

Давным-давно, когда пришел официальный указ, жителей деревни Саньхэ без всяких предупреждений обязали выселиться. Мало того что дома подлежали сносу, так еще и о новом жилье для людей никто не позаботился. Естественно, никто не хотел уезжать. Позже правительство начало давить на них, а тех, кто пытался протестовать или искать способы подать жалобу, задержали. Прошло два года, а обещанных в контрактах компенсаций за снос все еще не было видно.

Сейчас деревня Саньхэ была разрушена почти до основания, остались лишь одна-две семьи, которые продолжали сопротивляться.

— Да кто из нас в Саньхэ не жил здесь с прадедовских времен? — А-Цян со злостью ударил по столу, его глаза налились кровью. — Эти правительственные сволочи просто грабят нашу землю! Сначала они просто сажали несогласных в тюрьму на пару дней, а теперь окончательно слетели с катушек! В конце концов в деревне остались только семья нашего старосты да семья его дяди. Они заявили, что прежде чем что-то сносить, нужно разрыть могилы предков старосты. Разве можно было на такое согласиться? Но никто и подумать не мог, что они пойдут на такое!

А-Цян тяжело дышал.

— Они заперли всех из семьи старосты и семьи его дяди. Когда мы примчались обратно, тела его деда, отца и дяди были просто брошены на улице. А их матери и тетки... они сошли с ума от пережитого кошмара. Эти люди — просто звери!

Ли Хуэй был потрясен. Он не мог представить, что в обществе, где царит закон, кто-то может быть настолько беспредельно жестоким.

— Откуда вы знаете, что это связано с секретарем Фаном? — спросил Ли Хуэй.

А-Цян ответил:

— Мы два года собирали сведения и узнали, что приказ о сносе вышел прямо из рук Фан Хайцзюня. Рядом с нашей деревней находится сталелитейный завод семьи Чжоу. Из-за горы Саньхэ им приходилось делать огромный крюк, чтобы перевозить грузы, поэтому они давно планировали пробить в горе тоннель. Вы же знаете наши края: построить там тоннель не так-то просто, все время либо протечки, либо обвалы. Но два года назад кто-то подтвердил, что местоположение нашей деревни идеально подходит для прокладки тоннеля. Вот тогда-то все и началось.

Ли Хуэй с сомнением спросил:

— Вы не пробовали жаловаться в провинцию?

— Как не пробовали! — А-Цян пришел в ярость. — Но нас перехватывали, не успевали мы даже дойти до здания провинциального правительства! Анонимные письма с жалобами оставались без ответа. Всюду круговая порука, теперь я понял, насколько грязны эти чиновники! Они хуже, чем я, когда я еще занимался грабежами! Но им все сходит с рук. Неужели законы — это просто пустой звук? Конечно, я знаю, что вы и мэр Чжэн — другие. Если бы не вы, мы бы не то что в тюрьму не вернулись, нас бы уже в живых не было.

Ли Хуэю стало неловко. Он помогал не из искреннего желания спасти людей, да и не верил, что его мэр обладает таким благородным сердцем. Глядя на А-Цяна, он чувствовал себя обманщиком, вводящим в заблуждение честного человека.

Затем А-Цян рассказал о судьбе своих братьев. Оказалось, все они в прошлом имели проблемы с законом, отсидели несколько лет, а выйдя на волю, не могли найти работу. Именно их староста, который после тюрьмы своими руками создал авторемонтную мастерскую, приютил их, не дав погибнуть от презрения окружающих.

Ли Хуэй слушал с глубоким сочувствием. Разговорившись, он спохватился, что уже час дня. Схватившись за голову и забыв об извинениях, он поспешно купил обед и помчался к дому Фэн Ао.

Фэн Ао как раз заканчивал трапезу и поднимался из-за стола. Увидев запыхавшегося помощника с контейнером, он указал на стол — жест был более чем красноречив: нужно было прибраться.

Вся горячая решимость, вспыхнувшая в душе Ли Хуэя после слов А-Цяна, мгновенно остыла. Смирившись с судьбой, он вздохнул и принялся за еду — он ведь так боялся, что его начальник останется голодным, что сам еще ни крошки в рот не взял.

Вымыв посуду и прибравшись в доме, Ли Хуэй поймал себя на мысли, что, приехав из столицы вслед за этим человеком в такую глушь, он превратился в простую няньку. Он и кормит его, и полы моет. А этот еще и привередлив, не дай бог хоть пылинки где упадет — у него свои строгие правила!

Ворча про себя, Ли Хуэй продолжал работу. Если бы кто-то из его близких увидел его сейчас, то точно бросился бы с кулаками на Фэн Ао. Хотя дома его и не считали неженкой, но никто никогда не позволял ему заниматься домашними делами: в студенческие годы говорили, что его рука, держащая перо, слишком ценна, а на работе жалели, что он и так устает. Кто бы мог подумать, что, покинув столицу, он переделает больше работы по дому, чем за всю свою предыдущую жизнь.

Он уже натренировался, и дела спорились. Обычно он просто сообщал об уходе и исчезал, но в этот раз долго топтался у двери. Наконец, Фэн Ао, медитировавший внутри, открыл глаза и подал голос:

— Что случилось?

Ли Хуэй постучал и заглянул внутрь:

— Сегодня я услышал кое-что от А-Цяна, думаю, вам стоит об этом знать.

Фэн Ао кивнул, приглашая его войти.

Во время практики внутренней энергии на лице Фэн Ао не было почти никаких эмоций, исчезала даже та пугающая улыбка, с которой он обычно смотрел на людей. Ли Хуэю это было не по душе — казалось, что человек перед ним ненастоящий. На самом деле, чем больше он общался с Фэн Ао, тем чаще тот заставлял его испытывать новый уровень благоговения.

Сейчас Фэн Ао был в состоянии, которое пугало Ли Хуэя больше всего, поэтому он вел себя крайне осторожно.

— Это касается сноса жилых домов в деревне Саньхэ волости Пинфу и строительства тоннеля.
— Увидев, что Фэн Ао собирается выпить целебный отвар, Ли Хуэй обеими руками подал ему чашку и выпрямился на стуле.

Он в мельчайших деталях пересказал все, что поведал А-Цян, не скрывая своих эмоций. В конце он с негодованием добавил:

— Как они могли совершить такое злодеяние! По мне, так этот волостной староста получил по заслугам! Сдох — и туда ему и дорога...

Осознав, что перегнул палку, Ли Хуэй замолчал и посмотрел на Фэн Ао. Даже услышав столь чудовищную историю, Фэн Ао не выказал ни капли раздражения, лишь сменил свое отстраненное выражение на привычную легкую улыбку.

Ли Хуэй прикусил язык, подумав, не был ли он слишком импульсивен, позволяя себе такие слова в разговоре с мэром.

— Мэр Чжэн, вы... — начал он.

Фэн Ао поставил чашку на стол. Звонкий стук заставил Ли Хуэя замолчать. Фэн Ао поднял на него взгляд:

— Это все, что ты хотел мне сказать?

...Разве этого недостаточно, чтобы стать темой для разговора? — мысленно возмутился Ли Хуэй, но вслух произнес:

— Нет, я хотел добавить, что это дело, похоже, тесно связано с секретарем Фаном.

Увидев, что его не останавливают, Ли Хуэй подробно описал роль секретаря Фана и семьи Чжоу. Закончив, он задумчиво добавил:

— Но мне кажется, что все не так просто.

— О? — Фэн Ао было интересно послушать его мысли.

Ли Хуэй потер нос и смущенно сказал:

— Не знаю, как выразить, но интуиция подсказывает, что секретарь Фан не тот человек, который допустил бы, чтобы его так легко поймали за руку. Да и семья Чжоу вряд ли ввязалась бы в это только из-за личной вражды. Столько лет они вели дела, издержки фиксированы, и такая крупная семья не стала бы портить себе репутацию из-за такой мелочи. Думаю, здесь скрыта какая-то тайна.

Фэн Ао усмехнулся:

— Это единственное, на что способна твоя интуиция.

Это была редкая похвала от Фэн Ао. Ли Хуэй едва успел возгордиться, как его тут же окатили холодной водой.

— Запомни: находясь рядом со мной, не проявляй ненужного любопытства. Понял? — отрезал Фэн Ао.

Сердце Ли Хуэя екнуло. Он смотрел на Фэн Ао в растерянности. Он был еще слишком молод, и светская фальшь чиновничьего мира еще не коснулась его. Именно поэтому Фэн Ао и позволил ему остаться при себе — не из-за опасности, которую представляют прожженные политики, а из-за чистого отвращения к ним.

Фэн Ао, вопреки обыкновению, не стал томить помощника, а прямо сказал:

— В этом мире дела не меняются от горячей крови одного человека. Не берись за то, что тебе не по силам.

Ли Хуэй замер под взглядом Фэн Ао.

Убийство волостного старосты не предали огласке, но этого хватило, чтобы привести в ужас всю верхушку города Фэн. Особенно секретаря Фана.

Чжоу-третий посмеивался над ним:

— Чего ты боишься? Неужели кучка сброда сможет с тобой справиться? В конце концов, пока есть моя семья Чжоу, тебе не о чем беспокоиться.

Хотя старик Чжоу никогда не допускал его к своим делам, эта бандитская хватка, казалось, была у Чжоу-третьего в крови.

Секретарь Фан немного успокоился, но ненадолго. После того как его машину разбили, а однажды кто-то испортил тормоза, и он едва не попал в аварию, а его сына по дороге домой избили до полусмерти, он больше не мог сохранять спокойствие.

Чжоу-третий, выслушав его просьбу, любезно выделил ему трех телохранителей.

Старик Чжоу, обычно не вмешивавшийся в такие дела, на этот раз сказал Чжоу-третьему:

— Третий, в этом мире все подчиняется судьбе. Если у кого-то или чего-то исчерпан лимит удачи, то тратить силы на помощь — лишь пустая трата времени.

У Чжоу-третьего екнуло сердце, он долго молчал, а потом кивнул старику.

Через несколько дней секретарь Фан обнаружил, что его лучший союзник уехал в командировку по делам бизнеса. Он не заподозрил неладного — большая часть бизнеса семьи Чжоу сейчас была в руках Чжоу-третьего, и поездки были обычным делом.

Его сын в больнице не находил покоя, а получив однажды на обед содранную с живого мышонка шкурку, окончательно перестал себя контролировать и требовал вернуться домой. Секретарь Фан был вынужден уступить.

Кто бы мог подумать, что дома его ждут еще худшие новости!

— А-а-а! — это закричала жена секретаря. Фан, поддерживавший сына, и водитель шли позади, а она первой увидела разгромленный дом.

Лицо секретаря Фана изменилось. Забыв о сыне, он бросил его на водителя и бросился в спальню. Он даже не взглянул на взломанный сейф, где хранились крупные суммы наличных, а полез под письменный стол. Нащупав скрытый переключатель, он нажал его, отодвинул столешницу и, увидев, что бухгалтерские книги и прочие документы на месте, наконец облегченно вздохнул.

Подняв голову, он увидел жену, которая с изумлением смотрела на него. Секретарь Фан помрачнел и рывкнул:

— Вон!

— О, о...

— О том, что ты сейчас видела, никому ни слова!

Госпожа Фан часто закивала. Она была неглупой и по напряжению мужа поняла, что дело серьезное — если кто-то узнает, ее статус жены секретаря будет под угрозой.

Секретарь Фан вызвал полицию, чтобы те искали преступников. В глазах горожан на улицах стало больше патрульных, но для людей вроде А-Цяна, имевших судимость, жизнь стала невыносимой.

Проводив третью группу полицейских, пришедших на заправку для допроса, А-Цян был вне себя от ярости. Бизнес на заправке из-за полиции встал, большинство сотрудников были в отпуске, остались только А-Цян и Сян И. Увидев, что тот вошел, Сян И убрал телефон в карман, поднялся и взял контейнер с едой, чтобы отнести его старосте, который лечился дома.

А-Цян удивился, увидев его с телефоном — этот человек, бывший военный, всегда был таким серьезным, что телефон признавал только для звонков. Видя, что он уходит, А-Цян крикнул:

— Не говори старосте об этом, он и так на взводе!

Сян И был молчаливым, кивнул и ушел. А-Цян фыркнул — вот уж кто не сошелся характерами: бывший грабитель и правильный военный!

По сравнению с ними Фэн Ао жил куда спокойнее. Никаких важных совещаний, никаких бумаг, требующих его подписи. Сейчас был решающий момент в его практике, поэтому он сидел дома, перепоручив все дела Ли Хуэю и секретарю У.

Пользуясь свободным временем, Фэн Ао приказал заставить балкон цветами. Он не был любителем садоводства, но цветы были необходимы по двум причинам. Во-первых, город Фэн в погоне за развитием тяжелой промышленности превратил воздух в отраву. По сравнению с миром Фэн Ао, это место было сущим адом. Цветы очищали воздух.

Во-вторых, это было нужно для тренировок. Дыхание человека подобно жизни растений, и незря отшельники выбирали для практики глубокие горы.

В прошлой жизни Фэн Ао изучал множество боевых искусств, но его внутренняя энергия была

самой ортодоксальной школой меча. Достигнув определенного уровня, прорыв зависел от состояния духа, а оно рождалось из прозрения «Небесного Дао».

Небесное Дао — это просто закономерности природы. Фэн Ао потратил немало времени, чтобы осознать это, но теперь таких проблем не было. Его дух был намного выше уровня его текущей энергии.

Ванны с отварами стали не нужны, его меридианы окрепли. Увидев, что он больше не пьет лекарства, секретарь У с улыбкой спросил:

— Мэр, вам лучше? Я так переживал, видя, как вы постоянно пьете отвары.

Фэн Ао, не поднимая головы от бумаг, отпил воды из чашки и ответил:

— По приезду в Фэн возникли проблемы с акклиматизацией. Благодарю за заботу.

Слово «забота» прозвучало с глубоким подтекстом. Секретарь У неловко рассмеялся и вышел.

Вскоре заглянул Ли Хуэй:

— Мэр, а на чьей стороне секретарь У? Мне кажется, он и вашим, и нашим, но ни с кем не близок.

Фэн Ао отложил ручку, взглянул на свои записи — хотя они и уступали каллиграфии, но были гораздо лучше прежних.

— Люди, которые постоянно колеблются, первыми становятся разменной монетой, — сказал он.

Ли Хуэй подумал, не предупреждение ли это ему, и поспешно ответил:

— Будьте уверены, я не такой.

Фэн Ао просто констатировал факт. Он видел людей насквозь и понимал положение секретаря У. Услышав слова Ли Хуэя, он слегка улыбнулся:

— Мне не нужны твои гарантии. Пока у тебя есть мужество и способность нести ответственность за последствия, я не возражаю.

Предательство его не пугало — он пережил слишком много. Он не доверял Ли Хуэю до конца, и даже если тот предаст его, это не будет иметь значения. Но, как он и сказал, тот, кто

осмелится предать его, должен обладать достаточным мужеством и способностями, иначе... это будет слишком скучно.

Ли Хуэя пробрал холодок.

Услышав звук открывающейся двери, Чжао Пин поднял голову. Увидев Сян И с едой, он сел, опираясь на правую руку:

— Почему сегодня так рано?

Сян И ответил:

— Есть дело.

— Тебе не обязательно бегать ко мне каждый день, — сказал Чжао Пин. — Я просто ранен, не помру с голоду, к чему столько хлопот?

Сян И стоял, как на плацу, его взгляд был острым, словно он за чем-то следил:

— Никаких хлопот, командир!

Чжао Пин ушел в армию в пятнадцать и вернулся в тридцать. Вернувшись домой, он долго не мог привыкнуть к мирной жизни, сменил несколько работ, пока не устроился в мастерскую.

Он не терпел несправедливости. Однажды ночью он увидел, как человек пригнал в мастерскую окровавленную машину, и, узнав, что тот сбил человека и хотел просто отмыть следы, пришел в ярость и пригрозил судом.

Конечно, Чжао Пин плохо кончил. Это общество не терпит слишком много справедливости, особенно если у противника в разы больше связей. Его подставили, и он отсидел два года, прежде чем осознал эту истину.

Когда Сян И только пришел в часть, он был солдатом под началом Чжао Пина, и спустя столько лет это обращение не изменилось.

Глядя на крепкого Сян И и вспоминая свою искалеченную жизнь, Чжао Пин помрачнел.

Сян И все видел, но молчал. Дождавшись, пока тот поест, он собрал посуду и вышел. За дверью он сжал кулаки, глядя в темное небо. Его челюсти сжались так, что на лбу вздулись вены.

Спустя долгое время он ушел.

В укромном уголке у дома секретаря Фана Сян И достал телефон. На экране была панорама дома Фана!

Да, именно Сян И разгромил дом секретаря. Он никому не сказал об этом, как никто не знал, сколько камер наблюдения он установил в доме Фана.

Он был из разведроты, переквалифицировался в технаря, но навыки не растерял. Секретарь Фан, параноидально установивший камеры и сигнализацию, даже не заметил его вмешательства.

Сян И наблюдал за семьей Фан уже некоторое время и знал их распорядок до минуты. В это время Фан Чжиань принял лекарство и спал, госпожа Фан занималась косметическими процедурами, а секретарь Фан был в кабинете.

За пятнадцать минут до того, как секретарь Фан обычно покидал кабинет, Сян И бесшумно пробрался на второй этаж, в ванную комнату Фан Чжианя — она была ближе всего к кабинету. Затем он спрятался в «слепой зоне» камер.

Перед уходом секретарь Фан тщательно просмотрел записи и выключил свет. Сян И замер. Вскоре снова слышались шаги. Дверь кабинета открылась — Фан Хайцзюнь вернулся проверить записи еще раз. Он будет смотреть их минут пять-десять, прежде чем уйдет окончательно.

Когда он ушел, Сян И направился к балкону. Кабинет был заперт, но в прошлый раз Сян И уже подготовил окно.

Он проник внутрь, на ощупь нашел скрытый переключатель — он отрепетировал это сотню раз. Отодвинув столешницу, Сян И сфотографировал каждую страницу бухгалтерских книг и переписки.

Закончив, он проверил, все ли на месте, и тем же путем покинул дом. Вскоре после его ухода секретарь Фан снова вернулся — он не мог уснуть от беспокойства. Убедившись, что все на месте, он наконец вздохнул с облегчением.

Сян И смотрел на видео, где мужчина курил, и взгляд его был ледяным.

— За все, что вы сделали с командиром, я буду взыскивать с вас по очереди.

Машина свернула на дорогу, не входившую в план. Фэн Ао бросил взгляд на Ли Хуэя, который сегодня сам вызвался быть водителем, отодвинув штатного шофера.

<http://bllate.org/book/22486/2370853>